

О пространстве и времени

Л. Матюшкин

13 августа 2015 г.

Оглавление

I	О пространстве	5
	Вечером	6
	«Я на елке в Иркутске круглым камнем блещу...»	7
	У сестры	8
	«Мир крошится — теперь кругом пески»	9
	«Я выехал. Долго ехал...»	10
	«Муравейник, строящиеся дома...»	11
	В прохладной тени острова	12
	«Береговая линия отталкивается от океана...»	13
	«Знал одного человека, а он — другого...»	14
	Макушкой	15
	«Того и гляди, проломится скатерть...»	16
	«Я через голову рубашку надеваю...»	17
	«В пращу простыни завернутый...»	18
	Телескоп	19
	«Переехал из одной страны в другую...»	20
	Звездный сор	21
	Ножи	22
	«Со скрипом поворачивается штурвал-звезда...»	23
	«Лес переплыл море...»	24
	«Дышу сквозь одеяло торфа...»	25
	Яблоко	26
	Попугай	27
	Ответ на письмо второклассника	28
	Зеленка	29
	«Месяцы вверяя косточкам пальцев...»	30
	«Пижама в серую полоску...»	31
	«Смотрю на море со шкафа...»	32
	О Китай-городе	33
	Туман	35

II	О времени	36
	«Когда звучит протяжная труба...»	37
	«Мне нравится, что вечер и зима...»	38
	Ритм	39
	«Падаем штопором...»	40
	«Дети, вернувшись из школы...»	41
	«Посмотрел на салют...»	42
	«Мертвое стенографирует о себе...»	43
	О длительностях целых нот	44
	«С доски памятной стерлось...»	45
	Женщина в море	46
	Рубка	47
	Патефон	48
	«Невидимые мной стали невидимыми...»	49
	О памяти	50
	Вымпел	51
	«Будто брелок или часы уронил в море...»	52
	Сон за столом	53
	Происшествие	54
	У нас умер щенок	55
	Водоросли	56
	«... человек выкипел, будто чайник...»	57
	Невидимые	58
	Правила хорошего тона	59
	Фиолетовое	60
	«Лунное око в окно ловил...»	61
	«Уши вспыхивают от больших слов...»	62
	Прости нам	63
	О соли	64
	«Трое общих друзей...»	65
	Одна пожилая женщина о своем дорогом щенке	66
	«Обезьяна показывает волшебный фонарь...»	67
	«Через сосуды-трубочки иллюминация сердца...»	68
III	О пространстве и времени	69
	Слез с	70
	Аммониты	71
	Об отважном ученом	72
	Кисти	73
	Водефис	74

О том как собаки чихают	75
«За окном океан шумит...»	76
«...и гул земли сменяется на вой ...»	77
«День бахчевой...»	78
«Друза кристаллов кварца...»	79
Размышления у ларечка «Любимые лакомства»	80
Капитану корабля	81
О сбежавшем солдате	82
На просьбу продавщице	83
«Просыпаясь, оглядываясь, недоумевая...»	84
Твен	85
«Река перевернулась в гробу ...»	86
Петербург	87
«Мне нравится, как облако молчит...»	88
Челнок	89
«Симпатичным ключом скрипичным...»	90
В эмиграции	91
Должник	92
«Тридцать первое, август, среда...»	93
Попутчики	94
Человек	95
«Я в метро собака с отрезанной головой...»	96
Млекопитающее	97
«Если что-то случается...»	98
«Семь рублей за счетчиком возьми...»	99
Укус	100
«Вынесенному на берег рекой...»	101
Рейки	102
«Я человека за лоб держал...»	103
«Когда месяц заканчивается, доходит до горла...»	104

Посвящаю бабушке, сестре и собакам

Часть I

О пространстве

Вечером

Я лежал на спине на кровати
и хватал струнный ус, словно *ус* бабочки,
и сам был странный на вкус, головой в наволочке,
звук отлипающей от живота деки
принимая за шум моря.

* * *

— Я на елке в Иркутске круглым камнем блещу, угадай мой цвет. —
Синий? — Нет. — Пурпур? — Нет. — Ну а что же? — Ищу.

У сестры

На этой станции только кладбище,
и от этого будто странно, что кто-то садится.

А еще...

птица.

На могиле сестры много воды,
так много, что не посадишь цветов,
на соседней — новому мальчику горка песка.

Сколько, дым,
звучание голосов,
поезда, въезжающие вглубь виска.

* * *

Мир крошится —
теперь кругом пески,
в пустыне пляжа шепот океана
я слушаю, и морщатся виски.

Отняв от ряби губ
излом стакана,

я вспоминаю темноту экрана,
когда еще ничто не началось:

пьет воду долго лось,
алеет рана,

темнеет солнце сквозь
разлив тумана,

и мама
говорит ребенку «Брось».

* * *

Я выехал.

Долго ехал.

Часто оборачивался.

Где я теперь?

* * *

Муравейник,
строящиеся дома,
колючая проволока. . .

Кинув где-нибудь велик,
лежа, с холма
рассматривать облако.

В прохладной тени острова

Примыкающий будний день:
идти по мосту
на какой-нибудь остров.

Лечь в его тень,
слушать звезды
или их *немоту*,

на камне реки дичая,
миру обозначая
свою мечту.

* * *

Береговая линия отталкивается от океана,
словно рваная рана плавает поверх кожи,
будто добрый прохожий
упал с дивана,

завидев на парапете
плачущего ребенка,

плачущего столь громко,
что на всем белом свете
задрожали бокалы в сервантах,

а труп пенсионера
на другой стороне голубого шара
наконец отвлекся от телевизора

и, впервые тишину нарушая,
стал подвывать
и повизгивать.

* * *

Знал одного человека, а он — другого,
больше в мире не было
никого.

Макушкой

Море покачивается макушкой, лишь волосами,
а все огромное тело, подмятое под себя,
лежит под ним, словно плоские камни,
острые горы любя,

и до свидания,
до свида — ни — я.

* * *

Того и гляди, проломится скатерть,
расстеленная поверх дыр,
обвитая вокруг раны,

словно полуостров Таймыр
превращается в паперть
Ледовитого океана,

как только на нем
оказываются путешественники.

* * *

Я через голову рубашку надеваю,
и через голову ботинки обуваю,
и через голову в трамвай к тебе сажусь,

но я держусь, но я еще держусь.

В собаке медленной, натопленной, бездушной,
коленом круглым выходящей в поворот
я волочусь.

* * *

В пращу простыни завернутый,
отправляешься в звезд
крепостное барство.

Вся твоя паства
это узники маленькой комнаты,
выслушивающие серьги берез.

Телескоп

Источником морских преград, осмелюсь доложить, стали лошади, рассматриваемые Вашим Высочеством в телескоп. Они, ударяясь о глазное дно, о, так сказать, его площади, образовали воздушный столб, воспрепятствовавший общему движению корабля, которое, как видите, уменьшилось до нуля, и понизило его общие мощности. Движением *лево руля*, как Вы понимаете, мы спасаем себя от такой оплошности и отправляемся в настоящее океанское плавание. . .

* * *

Переехал из одной страны в *другую*,
и теперь ворочается на полу.

Звездный сор

Солнечное колесо,
из кулака — облака,
вспыхивает звездный сор.

Мокро клюет, лакал,
глаз голубую дрожь
плакал,

плакат,
вал.

Ножи

Это сердце отправляется в недолгое плавание
на самолете в холодном ящике
к человеку чужому,

но затеряется в черной воздушной гавани,
а не в этом мальчике.

Ты всегда дома
в постели
в ухо дышишь,
спрашиваешь «как мне жить».

В верхних комнатах,
слышу,
халат в сонном теле
точит ножи.

* * *

Со скрипом поворачивается штурвал-звезда,
и небесный купол крутится-вертится,
мне обещали — там, где встретятся зда-
ния — будут расти города,
и мне верится.

* * *

Лес переплыл море
и оглядывается
птичьим глазом:

узким лазом
в чужое горе.

* * *

Дышу сквозь одеяло торфа, через салфетку перил.
На куске торта —
Акрил.

Яблоко

«Эта музыка выдувается из железного сердца», —
замечает она. На столе ржавое яблоко,
на дне тарелки горошины черного перца.

Попугай

Вместимость лифта не превышает восьмерых ч.:
восьмерых человек, часов или просто — «буков»...

Попугай на плече

стал источником слухов.

Ответ на письмо второклассника

Как радостно —
и письмо от души,
и такой крупный почерк!

На твоих «О»
я доехал бы
до ЦПКиО.

Поэтому напиши,
пожалуйста,
еще несколько строчек.

Зеленка

Сердце зеленкой вымазал, а все равно кровоточит. И ходишь сутулый на улицу и в буфет, спрашиваешь у него, что же оно хочет. А оно в ответ:

«Ничего не хочу, милый,
ничего не нужно, родной мой,
нет».

* * *

Месяцы вверяя косточкам пальцев,
дни отсчитывая позвонками,
через камень, бумагу, ножницы, —
внутрь здания.

* * *

Пижама в серую полоску,
круги деревьев на земле,

и воздух
ме-едленный.

* * *

Смотрю на море со шкафа.
Наклонив голову,
пристань увидел с полочки для белья.

Пристальный, одетый с иголочки,
где был я, когда ко мне все привыкли,
когда стал я реликвией?
Вроде подреберного копья,

вроде сказочного апельсина,
закатившегося в хвойный лес.
С платяного шкафа я слез
поздно, нагой и бессильный,

и, вытряхнув все из него,
уснул в куче трепья.

На груди своей из всего
воздуха чувствовал только вес
тонущего корабля.

О Китай-городе

1.

Варв́арка-ва́рварка
скажи, куда идти?

В Ивановский ли Малый переулок
(а есть *Большой?*),
где спал я, дом найти?

Люблю места такие для прогулок,
где нет людей. Лишь по пути шальной
встречается какой-то *недоумок*,
и спрашивает что-то, и мычит,
а получив ответ,
идет угрюмый
в другую сторону —
его сомнение мчит,

и скачет вороном по темным куполам —

любой ответ озвученный
теперь

противен истине.

Измучен
мыслями.

Откроет ветер дверь,

напополам
разрежет
воздух
улиц,

и хлынет зверь,

пока мы не обулись, —

семь раз примерили,
один раз улыбнулись,
второй — не верь.

2.

Летаев мне сказал, есть Вешняки.

Что это место между двух обочин,
в ответ подумал. Думал через «и» —
что Вишняки, да то неважно, впрочем,
вишневый или вешний,
что к чему,

обочина важнее, чем дорога,
песочная двурога корова
лежит, как прежде,
посреди стиха.

Нужна подмога:
три-четыре «ха»
и восемь «му».

3.

Китайгородский день:

хрустящим яблоком
спокойная прогулка,

мне переулка
благодатна тень:

густых деревьев
темная шкатулка,

пустых посольств
немая караулка,

я — тетерев,
смотрящий сквозь ячмень.

Туман

Сегодня такой туман —
я потерял свой дом,
за ключами полез в карман,
и — пропал целиком.

Часть II

О времени

* * *

Когда звучит протяжная труба
в просторном коридоре перехода,
мне холодно,
и хочется туда,

где с парохода
сыплется крупа
на гладь пруда,
расстеленную водно,

где рыба-кит
читает алфавит,
а мы лежим
на дне

единородно,

жуем крупу
и слушаем кита.

* * *

Мне нравится, что вечер и зима, что облако и неподвижный мальчик.
Что дальше? Выйдешь из ума, и вновь войдешь...
в какой-нибудь подвальчик.

Ритм

И так далее, и так далее, наливает и говорит, поезд едет, огонь горит,
и так далее, и так далее.

* * *

Падаем штопором.
Шепотом: «что потом,
что потом, что потом,
что потом. . . »

* * *

Дети, вернувшись из школы,
не находят своих родителей,
взрослые — своего прошлого,
официант — посетителей,

учитель словесности —
правила языка.

* * *

Посмотрел на салют,
уехал обратно в Крым.

В поезде песни поют.

Дым.

* * *

Мертвое стенографирует о себе
человеку на дне колодца,
раз в день показывая солнце,
два раза — тень.

О длительностях целых нот

Чайник кипел–кипел,
Словно всю ночь нам пел,
Нотою не меняясь,

Сам о себе крича.
Выкипев — замолчал,
Будто бы извиняясь.

Так я вжимал звонок,
Чтобы узнать кто умер,
Но мой тревожный зуммер
Не разбудил никого.

* * *

С доски памятной стерлось — кому она, для чего.

Так одиночества комнаты разделяет стена тоски:

одиночество бытия

тоска памяти

одиночество небытия

Женщина в море

Мужчине вторя,
ждет, чтоб он ласкал,
глухая женщина.

Пучине моря
помнится скала,
сухая трещина.

Рубка

Будь результат плохой,
мы не поднимем трубку,
не постучимся в рубку,
не объясним пробой,

мы побежим куда-то,
мы убежим куда-то,
воздух или страдание
вспарывая головой.

Так ходовая рубка,
так золотая шлюпка
долго стучаться будут
о ледяной прибой.

Патефон

Эта фотография сохранила звон колокола,
шелест крон,
шаги около,
ветра шум.

Дерево постучалось в окно,
попросилось на ум,
но там уже тесно.

Свежий конверт простыни
на веревке бьется.

Эта песня легко поется,
эта песня давно известна.

* * *

Ненавидимые мной стали невидимыми
и огородили меня от бед и несчастий,
став моими защитниками.

И враги мои стали моими сыновьями,
а нелюбимые — братьями.

Жизнь моя кончилась в муках совести,
что я столькое изменил,
не сохранив ничего взамен.

О памяти

Люди заслоняют памятники на снимках,
становятся на их фоне,
пластинку
на патефоне

слушают,
и ничего не слышат.

Вымпел

Вымпел —
узкий длинный флаг,
раздвоенный на конце.

Все вино из синяка на лице
выпил.

* * *

Будто брелок или часы уронил в море,
И теперь всю жизнь носишь его на руке.
Стрелками рек вечер лицо зашторив. . .

Сон за столом

Желтые цифры в уголках сонных губ,
ненецкая нефть из оленьего глаза.
Медленно, густо упала на круп
ваза.

Происшествие

Это происшествие
скалывает рот с лица.

Следствие рассказывает,
что уже двадца-
того,
двадцать-первого. . .

что уже не стало отца.

У нас умер щенок

Со свечей стоя в толпе метро,
долго-долго ехать на другой край города,
туда, где у собаки брюхо распорото,
зашивать в живое нутро

маленького мертвого волка.

Водоросли

«Вместо усов выросли водоросли.
Вот тебе наказание часто бриться».

А лица
вроде бы взрослые.

Я обратился в милицию:

«Фотографируют друг друга на пленку,
и живут потом вечно,
невидимые облакам».

* * *

... человек выкипел, будто чайник,
не доел сахарные трубочки парашотов. . .

я пробрался в его каюту
и узнал *тайну*.

Невидимые

Мы невидимые, мы немые,
пока не совершим что-то большое,
когда закрывающий шторы
потомок
в глубине времени

на происходящее
в темном саду его предков
бросает последний взгляд.

Пока длинное предложение
составит нескромный ряд,
уже приезжает скорая.

Правила хорошего тона

«Когда-нибудь»
(никогда).

Подождать
и кивнуть.

Фиолетовое

— Поводы-повыдыри, обидься на меня, деточка,
и на коже моей гори
сеточкой,
йодной сеточкой.

— Подари
мне ивовую веточку
и глупостей
не говори.

* * *

Лунное око в окно ловил,
то левый, то правый закрыв глаза.

Раки на зиму врылись в ил,
в легких морозные иглы. За

стеной стена,
и одна другой говорит:
«встретимся на углу»,
«мы не встретимся», —
другой отвечает одна,
«развился радикулит,
не дойти никак, даже боком,
прости, моя в том вина. . . »

И они болтают друг с дружкой,
в то время как

в обнимку с маленьким богом
и маковой сушкой
в темном и вязком иле
спит рак.

* * *

Уши вспыхивают от больших слов,
веточки загораются от излома,
дети выбегают из дома
от огня *языков*.

Прости нам

— Прости им,
ибо не ведают,
что творят, —

пустым
городом следуя,
ангелы говорят.

О соли

Безмысленный человек
выпросит соседову соль.

Тот из под век
слезами боль свою выдавит
на большую сухую ладонь.

Все детство я думал
о пресности рек
и солености океана.

Под клубами густого дыма
кожу слизывает огонь.

* * *

Трое общих друзей,
из которых один — мертвый.
Никогда не меняется, твердый,
как надгробие или музей.

Возникает теперь
четвертый.

Одна пожилая женщина о своем дорогом щенке

[Вот он,] живой,
настоящий,
не боящийся
никого,

сердце щемящий,
светящийся,
мой дорогой
щенок,

хвостик его
виляющий,
лижущий
язычок, —

все, что оставил
мамочке
спившийся
дурачок.

* * *

Обезьяна показывает волшебный фонарь:

Дерево превратилось в словарь.

Еще одно

Дерево превратилось в словарь.

Третье — стало каретой.

На десерт — собака приносит палку.

* * *

Через сосуды-трубочки иллюминация сердца —
черная комната окрашивается желто-голубыми лучами,
на зов через приоткрытую сахарно-зеленую дверцу
входят небесные жители с золотыми мечами,
погреться,

за день
устали сражаться
с человеческим злом.

От усталости на пол упав, по-рыбьи
двигают широко-широко неземными губами,
будто на дыбе ртом
теряя воздуха камень,

ложатся у батареи
и под столом.

Часть III

О пространстве и времени

Слез с

Мама пришла, и помогла ему выбраться из болота,
автобус целый день возит мертвого пассажира,
мы едем куда-то, господи, подскажи нам,
когда будем близ поворота, —

я использовал все свои карточки и проездные,
и теперь хочу новые.

Аммониты

На доске в слове *вязь*
переговариваются аммониты,
и в янтарном ожерелье учительницы
черный жук.

Я застаю себя в отличном расположении духа.

Об отважном ученом

В то время,
когда лучшим способом *его* измерения
были биения
сердца,

время каждого
зависело от него самого.

Какая должна быть отважность,
чтобы поверить,
что

и пространство
вертится?

Кисти

Кто-нибудь трубку поднимет
из этих чудищ,
похожих на саблезубую железу:

«Я оловянные кисти, *Имя*, тебе везу,
сизжу, о тебе скучая».
«Приезжай скорее, так рад».

Гоша сделал фотоаппарат
из деревянной коробочки чая.

Водефис

Кости, череп от скуки нарисовал на визитке,
и долго бессмысленно ждал хозяина-гостя,
промокающего без зонта, до нитки,
в зеленых водорослях.

О том как собаки чихают

На песью морду
во время чихания
льется аккордом
молчание —

подслушай
и повтори.

Послушный
внутри
и на весь мир
отчаянный.

* * *

За окном океан шумит,
звезды с волны швыряя,
легких пузырь распирая.

Сердце мое щемит,

ночи пустырь примеряя
на повседневный быт:
в землю осколок врыт,
провода сырая —

колючая, словно стыд.

И на пороге рая,
в ноги с колен ныряя,
молит за все простить.

* * *

1.

... и гул земли сменяется на вой.

2.

Глаза откроешь — брезгуешь собой,

из бахромы льняной
сплетая узелок,
разглядываешь белый потолок,

разрывы облака над серою Невой,
потом переползаешь на цветок
и на горшок, на воздух земляной...

Сосредоточишься на пятнах на стекле —
услышишь всплеск
и стук ведра, и шелест

намокшей тряпки о шершавый пол —
с тебя как сняли, и теперь ты гол,
идешь через медовой вереск,

оберточной бумагой темный стол
пишит от ветра, и куда-то делись
стихи и письма, что я клал на стул

и ждал ответа.

3.

... так вой земли сменяется на гул.

* * *

День бахчевой:
как в тыковке живем:
на бечеве сушенная одежда,
под бечевой — арбузный водоем. . .

Бывало прежде,
что домой придем,
и сядем слушать за голодный стол
что накричат сегодня нам армянки
на скатерть-самобранку
через пол.

Через окно смотрели на простор
пустынной улицы,
на реденьких прохожих,
на бедненький меж ними разговор —

ссутулиться спешащих в коридор,
и слить в отхожем
месте кипяток,
не сняв пальто,
и не разувши обувь
в темнеющей прихожей
в форме гроба.

Календаря срывая лепесток,
мы говорили: «Этот день был прежде»,
читая между строк:
«Камо грядеши?»

* * *

Друза кристаллов кварца
— грудa текущих жил.

Где бы я ни служил —
все время что-нибудь бряцал

на гитарке,
на пианино.

Размышления у ларечка «Любимые лакомства»

Пышная женщина, склонясь над орехом как белка,
отдает его неохотно, будто с обидой
на какую-то пакость,

словно мы совершаем сделку,
ей невыгодную —

что-то нужно ей, кроме денег:

сквозь баррикаду лакомств
выплыть в морскую пену.

Капитану корабля в трудный момент, не связанный с кораблем

Одни бесконечности больше других,
и от того — неуютнее.

Одни вечности — вечнее,
другие — сиюминутнее.

В каютной библиотечке
найди этот млечный стих.

О сбежавшем солдате

Лежал–лежал,
да слежался сахар,
как кусок земли,
что лежит не вспахан.

Я бежал вдали,
начищая бляху,
вместе с ружьем.

Командир смотрел,
да вослед мне «ахал».

Я упал лицом.

На просьбу продавщице не давать целофановый пакет,
потому как мороженое съем сейчас же

«Я не могу иначе», —
ответила она,
дала мне рубль сдачи,

и встала у окна,
смеясь тихонечко.

Бусина разговора оконченного
долго во мне сверкала.

* * *

Просыпаясь, оглядываясь, недоумевая,
открывая книжицу, всматриваясь в желтый снимок,
пугаясь, дрожа, быстро лицо умывая,
брея скользкий обмылок,

ощущая себя.

Твен

Река с шепелявым именем Миссисипи (удивительно, что в этом мире что-нибудь так называется) скована грубым льдом. И пока вы спите, мы катаемся на коньках, под огнем, в огоньках, по самую середину.

Сегодня она вскрывается. С льдины на льдину пробираемся второпях обратно до берега...

* * *

Река перевернулась в гробу
ею несомом,

рот намочил губу
мелью и сором,

лодка глотнула песка,
и захлебнулась.

Петербург

Лед ломовой,
лед пунцовый.

И на грязной тряпочке
свежий сахар.

Постучав головой
леденцовой. . .

* * *

Мне нравится, как облако молчит,
молчит, плывет себе, красивая собачка,
плывет, одна с другою говорит,
но здесь не слышно. Вот так передача —
не слышно облака, отключен микрофон.

Челнок

Поэт — шелкопряд, и прозаик — ткач,
Читатель — швея, взгляд — иголка.
Пустые пространства сшивая вскачь,
Мы сами не знаем толком,

Куда мы бежим и куда придем,
Где ляжем на белом поле.
И будем ли снова с тобой вдвоем
Или нас будет двое

В отдельности.

* * *

Симпатичным
ключом скрипичным
открыл окно.

Музыка полилась
далеко-далеко.

В эмиграции

Пирамиды Америки,
меняльные лавки,
в этой давке
прибило к берегу
много песка.

Кажется ему,
смерть близка,
ведь и чужи мы.

Кем-то разбуженный,
вскакивал,
подбирая жемчужины,
рассыпавшиеся из виска.

Должник

Я приснился вещам и людям,
а, значит, заимодавцам.
Рассерженные, плеваться
и бить тарелки и блюда

стали уже во сне.
Оттого, что я только приснился,
что я ровный житель Вселенной,
то есть очень ровно обрился

и лежу теперь на спине.

* * *

Тридцать первое, август, среда.
Дождь прошел, но мне кажется темной
И глухой нищета этих комнат,
Здесь как будто случилась беда.

Я собаку обнял по привычке,
Но забыл ее глупую кличку,
Отпустил, и из липовой спички
Синий газ над плитой разжигал.

И стоял или что-нибудь ждал,
И садился в широкое кресло
И широкую книгу листал,
Но не мог ощутить ее веса

И поэтому снова вставал,
По скрипучему дереву плавал,
Как матрос, дикой песней забавил
Закипающий чайник, снимал,

И стакан кипятку на стол ставил,
И на темя себе выливал.

Попутчики

Нам попались в попутчики
носители языка,
вернее — носильщики,
еще точнее сказать — грузчики:

на скелетах кожаная листва,
сочные жилы, мышцы,
спелая голова —

те же
мученики,

толкают поезд,
и вот он движется.

Реже,
но слышатся
с разных мест
диговинные слова.

Мама закрывает уши,
носа пазухи и глаза,
но я, непослушный,
воздухом осязал,

кожею воровал
что мне хотят сказать

рваные рукава.

Человек

Мы ведь человека знаем потому только, что он спотыкается, что идет он, отталкиваясь от земли, потому только, что оставляет следы, что маленький вдалеке и очень большой вблизи, даже не уместается в голове, и сколько-нибудь людей унести можно только, когда они уменьшаются, только сказав подальше им отойти, тогда поместятся они в объектив или в книжечку, историческое ассорти, список имен и фамилий.

Милый, чудный, родной, ты же знаешь все, расскажи.

* * *

Я в метро собака с отрезанной головой,
лежащая, спящая, думающая посередине вагона,
слушающая перестук, мерный подземный бой,
очень надеющаяся, что до конца перегона,
до остановки, платформы отрастет у нее новая голова,
голова красивая, умная, может быть, даже детская,
произносящая вместо лая еще не ворованные,
еще большие слова, заглушающие лошадиное
«Пионерская».

Я в метро собака с отрезанной головой,
дыхание задерживаю, и держу его до конечной,
до бесконечной станции, в небе млечной
расплескавшейся тропкой, сквозь голубой
дозаветный свет на себя смотрю,
лежащую на полу полосой шерстяной
поперечной и что-то тебе пою,
мой любимый, хороший, вечный,
и послушный, и гордый от знания
каждой буковки людского закона,
но теперь, так приходится,
отталкивающий ногой

собаку с откушенной мордой,
чтобы выбраться к выходу из вагона.

Млекопитающее

Млекопитающее планирует день свой:

— Утро я начну с орехового пирога,
обложенного листом подорожника,—
Млекопитающее покачивает головой,
вместе с головою покачиваются рога, —

У меня ведь нет ни орешинки, ни листка,
ни муки, ни дрожжей, ни козьего молока,
ничего у меня нет пирогу моему подобающего,
бедное, бедное я млекопитающее,
неужели и этого вы не понимаете,
жалобную Красную Книгу скорее же дайте мне,
я впишу себя там, исчезающего зверька.

И ждет пока принесут, и где-нибудь ходит около,
и плачет в тряпочку маленькую, словно облако,
но когда же книгу ему наконец приносят,
из-за копыт страницы за него попереворачивать просит,
и смотрит на быт, на птиц, на жуков, на собаку Бонечку,
и улыбается тем и тем, и понимает, что ведь совсем
оно нисколько не одинокое.

* * *

Если что-то случается,
это еще не значит, что оно происходит:

так числитель просачивается
под черту дроби
к знаменателю, где его возводит
в какую-то степень, и — мальчик —
грудной, толстолобый,
в тебя возвращается,
через степи злобы за пальчик,
за руку, тебя из тебя выводит,
а выведя, сам заканчивается.

* * *

Семь рублей за счетчиком возьми.
Приходи в «коробку» до восьми. . .

Уксус

Рыба такая бледная,
кто-то уксус разлил в океане,
и она монетами медными
платит дань

за чье-то коварство,
того, кто морское царство
в коммунальной построил ванне.

* * *

Вынесенному на берег рекой
медведи лицо выели,

вы ли
меня спрашивали,
кто я такой?

Рейки

Кредит доверия
восполняется от батарейки,
осложнение словесных родов
просит кесарева «пока».

К голове прибитые рейки
ослабляют движение,
исцарапывая бока
проплывающих пароходов.

* * *

Я человека за лоб держал,
я человека за горб держал,
черную землю во рту жевал,
сам с ним лежал
и плакался,
словно на кол сел, все
внутри разорвал,
горевал в себе.

Горячие веки ему
прикрывал холодными листьями,
мы из тьмы,
через реки
мыслями
переплыли
и гроб,
и сугробы
безбрежные
кораблями снежными
до Стамбула
выплыли-выпили.

Я человека за горб
и за лоб держал,
я его целовал
я мучился,
вены, горло, волосы
вздуло мне,
что получится
из всего этого.

* * *

Когда месяц заканчивается, доходит до горла,
до какой-то отметки, до чего-то жестокого,
пытаясь предмет поднять с пола,
трогаешь только *около*,

или вовсе упираешься кулаком,
упираешься дураком
в под землю гудящий колокол.